

Гу Чэнь подавил необъяснимое беспокойство, растущее в его сердце, отвернулся и стал избегать взгляда сестры.

Снаружи небо постепенно темнело, густые облака закрывали солнце, и крошечные снежинки, кружась, залетали в зал предков вместе с внезапным порывом ветра. Коснувшись земли, они превратились во влажные пятна, которые постепенно исчезли.

Гу Чэнь долго молчал, и Гу Фу не давила на него, как это было с тётёй Ян ранее. Вместо этого она тоже отвела взгляд и посмотрела на курильницу с благовониями на столе-витрине.

...

Снаружи снег падал всё сильнее и сильнее. Через некоторое время Гу Фу, наконец, услышала голос своего старшего брата. Он сказал:

– Но это не должна была быть ты.

Защита страны и тыла действительно не была позором, но и не должна была входить в её обязанности.

Гу Фу посмотрела на благовония, горящие в центре, и на белый дым, поднимаемый ветром, и спокойно спросила:

– Потому что я женщина?

Гу Чэнь покачал головой и сказал ей:

– Потому что ты родилась в этом мире.

Если бы люди узнали, что Гу Фу, которого посмертно чествовали как верного и исполнительного, была женщиной, все эти похвалы и почести мгновенно превратились бы в обвинения и оскорбления. В то время, возможно, люди всё ещё помнили бы, какой преданной и храброй была Гу Фу, добившаяся за эти пять лет беспрецедентных военных успехов. Однако всё больше людей стали бы критиковать Гу Фу за то, что она была беспокойной дома, общалась с мужчинами и давно утратила свою чистоту. Они даже критиковали бы суд за некомпетентность, за то, что он позволил женщине отправиться на поле боя и убивать врагов.

– Так устроен мир.

Гу Фу не была невежественной: именно потому, что она видела вещи слишком ясно, пять лет назад она плюнула на всё и захотела поступить на военную службу на северной границе. Она знала, что это был её последний шанс. После того, как ей исполнится четырнадцать, как

только она будет обручена, брак и рождение ребёнка станут единственными возможными вариантами.

Теперь, когда она вернулась в столицу, её будущее снова стало «правильным» в глазах всего мира. Хотя ей и не нравился такой исход, по крайней мере, у неё были те пять лет, которые никто другой не смог бы наверстать.

Она должна быть довольна.

Гу Фу успокаивала себя, но не могла удержаться от вопроса:

– Если бы у тебя были способности, но ты не мог бы работать чиновником в суде, ты бы согласился?

Если бы у вас были возможности, но вы не могли их использовать, могли только наблюдать, как другие достигают того, чего вы хотите, а у вас даже не было бы достаточной квалификации, чтобы стремиться к этому, согласились бы вы?

Гу Чэнь с детства прилежно учился, и его ум был полон прекрасных статей, за которые его хвалили даже самые строгие ученые. Поэтому ему не нужно было сильно стараться, чтобы понять вопрос Гу Фу. Эмоции бурлили в его груди, заставляя руки в рукавах медленно сжиматься в кулаки...

Как кто-то мог этого захотеть!

...

Гу Чэнь покинул зал предков, его мысли были заняты недавним разговором с сестрой. Он был рассеян, и когда по дороге встретил Му Цинь Яо, которая несла коробку с едой, он не обратил на неё особого внимания.

Горничная, которая держала зонтик для Му Цинь Яо, не удержалась и тихо пожаловалась:

– Как молодой господин может притворяться, что не видит вас?

Му Цинь Яо не возражала:

– Возможно, он действительно меня не заметил.

Она взяла зонтик из рук горничной, попросила её вернуться первой и вошла в зал предков одна.

Как только она вошла, то услышала вздох Гу Фу:

– Я так проголодалась...

Выражение лица Му Цинь Яо медленно исчезло, как будто с неё сняли маску, и она больше не сохраняла вежливой улыбки, а просто равнодушно смотрела перед собой. Она заговорила, и её голос был лишен обычных мягких колебаний, ровный, как прямая линия:

– Я только что сходила на кухню и принесла тебе миску лапши. Ешь, пока она горячая.

Гу Фу обернулась, улыбнулась и окликнула Му Цинь Яо:

– Цинь Яо.

Девушка пододвинула круглый табурет, грациозно уселась на него, открыла коробку с едой и достала горячую суповую лапшу, передав её Гу Фу.

Гу Фу села, скрестив ноги, и принялась за суп с лапшой.

Как и Гу Фу, Му Цинь Яо потеряла мать вскоре после рождения. Но Му Цинь Яо выпало ещё большее несчастье. Её отец был военным офицером, который сразу после потери жены был отправлен императорским указом покойного императора охранять северо-запад, печально известное бесплодное место. Чтобы избавить новорожденную дочь от страданий, генерал Му взял с собой только своего брата и передал Му Цинь Яо на попечение своего шурина Гу Ци Чжэна. Таким образом, Му Цинь Яо выросла в семье Гу.

В отличие от Гу Фу, у которой бунтарство было заложено глубоко в душе, Му Цинь Яо имела свои собственные мысли, но была более равнодушной, никогда ни за что не боролась. Она даже притворялась идеальной леди, чтобы облегчить жизнь всем и себе.

Несмотря на то, что они выбрали совершенно разные пути, их отношения были ближе, чем у сестер. Гу Фу не сомневалась, что если она когда-нибудь убьет кого-нибудь, Му Цинь Яо найдёт лопату и убедит её похоронить тело в укромном месте.

Пока Гу Фу была на северной границе, Му Цинь Яо часто писала ей. Таким образом, несмотря на то, что они были в разлуке пять лет, они не отдалились друг от друга.

Му Цинь Яо молча подождала, пока Гу Фу закончит есть, затем одной рукой взяла пустую тарелку, а другой протянула Гу Фу носовой платок. Её голос был спокойным, почти холодным:

– Недавно я была у второй госпожи и увидела несколько картин. Все они были портретами молодых людей.

Гу Фу вытерла рот носовым платком и сказала:

– Тётя и мой троюродный дядя очень любят друг друга. Нехорошо опрометчиво говорить о таких вещах.

Му Цинь Яо не была впечатлена притворством двоюродной сестры.

– Продолжай притворяться. Ты прекрасно знаешь, что с помощью этих портретов тётя выбирает для тебя мужа.

У Гу Фу не было другого выбора, кроме как посмотреть правде в глаза.

– Тётя выбрала кого-то для меня?

– Похоже, что выбрала. Я заметила один портрет, отложенный в сторону, и взглянула на него, – Му Цинь Яо немного помолчала, прежде чем продолжить. – На портрете изображено имя Се Цзы Чэнь. Я навела справки и выяснила, что он ученик дяди. В следующем году он будет сдавать императорские экзамены, и дядя уверен, что он сдаст их с отличием. Тётя выбрала его для тебя.

Услышав столь подробную информацию, Гу Фу опустила глаза и погрузилась в глубокую задумчивость.

Му Цинь Яо не стала её беспокоить, поправляя одежду и аксессуары.

Через некоторое время Гу Фу подняла глаза и одарила Му Цинь Яо исключительно милой улыбкой.

Двоюродная сестра, привыкшая к подобному поведению, сказала:

– Продолжай.

Гу Фу спросила:

– А что, если этот человек сам отвергнет предложение?

Му Цинь Яо предвидела это и ответила прямо:

– Если это не повредит твоей репутации, я могу тебе помочь.

Улыбка Гу Фу стала ещё шире.

– Завтра я отведу тебя в павильон Цзиньчан перекусить.

Несмотря на пятилетнюю разлуку, суровые условия северной границы не повлияли на внешность этой сестры. Она стала ещё красивее. Му Цинь Яо, покрасневшая от улыбки Гу Фу, подумала, что мужчины в северных казармах, должно быть, были слепы, раз не заметили, что Гу Фу – женщина.

Му Цинь Яо и не подозревала, что поведение Гу Фу в казармах было гораздо более неуправляемым, чем когда она была с ней. Она вела себя очень по-мужски, с грубыми и бунтарскими манерами.

Снаружи ветер и снегопад усилились. Несмотря на то, что в камине горели угли, храм не мог защитить от холодных сквозняков, просачивающихся сквозь оконные щели.

Му Цинь Яо хотела вернуться за теплым плащом для Гу Фу, но Гу Фу остановила её.

– Зачем беспокоиться? Я скоро уйду.

Му Цинь Яо была настроена скептически.

– На этот раз дядя решил наказать тебя. Я попросила кого-то предупредить Старую госпожу перед моим приходом, но их остановили. Ты действительно думаешь, что сможешь скоро уйти?

Гу Фу была уверена.

– Просто подожди.

И действительно, через некоторое время в комнату вбежала мама Вэй, одна из служанок Старой госпожи, вместе с несколькими другими, бормоча:

– Мой маленький предок, твои ножки не... У тебя не болят ноги, когда ты стоишь на коленях?

Мама Вэй остановилась на полуслове, увидев Гу Фу, сидящую на подушке. Она быстро сменила тон:

– Тебе не холодно? Как может хозяин быть таким суровым в такую морозную погоду?

Гу Фу встала, потянув за собой Му Цинь Яо, и последовала за мамой Вэй во двор Старой госпожи.

Старая госпожа, придя в ярость, приказала Гу Фу остаться с ней и отдыхать до ужина, строго контролируя, чтобы кто-нибудь снова не заставил её опуститься на колени. Затем Старая госпожа похвалила Му Цинь Яо за то, что она была хорошим ребёнком, заботилась о Гу Фу и принесла ей поест горячей лапши.

Му Цинь Яо мягко ответила:

- Не сердитесь, Старая госпожа. Это вредно для вашего здоровья. Пусть сестра Фу сначала отдохнёт.

Вспомнив об этом, Старая госпожа быстро велела маме Вэй отвести Гу Фу в боковую комнату отдохнуть.

Му Цинь Яо заметила, что, когда мама Вэй отвела Гу Фу в боковую комнату, за ней последовала молодая служанка. Девушке стало любопытно, и она спросила:

- Старая госпожа, кто это?

Старая мадам похлопала её по руке и прошептала:

- Кое-кто, кого она привезла с северной границы.

Му Цинь Яо предположила, что эта служанка, должно быть, успешно отправила сообщение, позволив Старой госпоже вовремя вызволить Гу Фу из храма. Однако она не стала расспрашивать дальше и вместо этого сменила тему, предложив:

- Недавно я научилась некоторым техникам массажа у врача в зале Цзиши. Давайте я сделаю вам массаж.

...

Гу Фу ушла в боковую комнату и проспала до вечера, слушая, как за окном шумит ветер и снег.

Поскольку Старая госпожа была дома, вся семья собралась за ужином. После трапезы ветер и снегопад прекратились, и Старая госпожа позвала Гу Ци Чжэна, чтобы хорошенько отругать его.

После этого Старая госпожа спросила о сватовстве Гу Фу. Затем сын рассказал матери о человеке, которого выбрала вторая госпожа, Ли Ши.

Гу Фу присела на корточки на заснеженной крыше, подслушивая разговор. Выслушав всё, она спустилась с карниза и ушла, но не вернулась в свой двор, а направилась во двор Му Цинь Яо.

После ужина Гу Фу нашла предлог, чтобы переночевать во дворе двоюродной сестры. Она прыгнула с крыши и забралась обратно в комнату Му Цинь Яо через окно.

Свет свечей внутри замерцал из-за того, что внезапно открылось окно. Му Цинь Яо отослала всех служанок, оставшись одна и читая книгу на кровати при свете свечи.

Девушка была поглощена своей книгой и заметила возвращение сестры только тогда, когда она подошла к кровати. Она небрежно спросила:

– Как всё прошло?

Гу Фу присела на край кровати и сказала:

– Это Се Цзы Чэнь. Он живёт на улице Фудэ в восточной части города.

Му Цинь Яо заметила, что Гу Фу упомянула адрес, и спросила:

– Ты собираешься куда-нибудь пойти?

Гу Фу ответила:

– Да. У тебя есть какая-нибудь мужская одежда?

Старой госпоже не понравилась одежда, которую Гу Фу привезла с северной границы, и она выбросила её. Затем бабушка велела служанкам сшить ей на ночь новую одежду, но всё это была женская одежда, в которой было неудобно выходить ночью.

Му Цинь Яо покачала головой.

– Нет.

– Неважно, – Гу Фу встала и подошла к окну. – Я пойду одолжу.

Её третий брат был примерно такого же роста, как и она, поэтому она решила одолжить у него.

Му Цинь Яо не стала её останавливать и просто спокойно сказала:

- Возвращайся и прими ванну.

- Я знаю.

Гу Фу снова выпрыгнула из окна и направилась во двор своего третьего брата.

Когда она сказала «одолжить», Гу Фу на самом деле имела в виду кражу. К сожалению, её третий брат всё ещё не спал глубокой ночью, и его комната была ярко освещена. Гу Фу ничего не оставалось, как постучать в окно, убедившись, что он один.

Гу Чжу, который рисовал за столом, вздрогнул от стука, и кисть в его руке провела волнистую линию, испортив весь рисунок.

В тот момент ему было совершенно наплевать на рисунок. Его глаза расширились от ужаса, когда он уставился в окно, не зная, бежать ему или звать на помощь, очень похожий на невезучего персонажа сказки, который не доживет до третьей страницы.

Окно медленно открылось, и Гу Чжу так испугался, что чуть не сполз под стол. К счастью, снаружи он услышал знакомый голос, который его полностью успокоил.

- Третий брат? Одолжи мне какую-нибудь одежду.

Примечания переводчика

«Мой маленький предок» – любовная жалоба, обычно используемая бабушками и дедушками или домашней прислугой по отношению к ребёнку, с которым трудно справиться, поскольку вам приходится умолять их подчиниться.

<http://tl.rulate.ru/book/113414/4762749>